

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ КУЦ

ЗЕМЛЯ 2252. ИНКОРПОРАЦИЯ

Земля 2252

Сергей Куц

Земля 2252. Инкорпорация

«АЛЬФА-КНИГА»

2021

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Куц С.

Земля 2252. Инкорпорация / С. Куц — «АЛЬФА-КНИГА»,
2021 — (Земля 2252)

ISBN 978-5-9922-3321-6

Брат и сестра Андрей и Евгения Ливадовы перенесены из двадцать первого века в двадцать третий, эпоху постапокалипсиса. После Третьей мировой войны и Судного дня Земля разделена между тремя огромными корпорациями, заменившими прежние правительства государств, которых больше нет. Чтобы выжить, чтобы вырвать у жестокого мира шанс найти друг друга и вернуться в прошлое, брату и сестре нужно стать частью двух разных корпораций. Они должны инкорпорироваться. Самый простой путь для этого – военная служба. Андрей теперь рекрут корпуса морской пехоты Синей корпорации. Женька – новобранец десантно-штурмового полка в Красном секторе планеты. Они примут присягу и будут служить с оружием в руках новому миропорядку, иначе не выживут...

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3321-6

© Куц С., 2021

© АЛЬФА-КНИГА, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Куц

Земля 2252. Инкорпорация

Пролог

Пройдя через оцепление морских пехотинцев в черной броне, вице-президент частной военной компании «Белая голова» направился к полковнику. Коммерсант был в камуфлированном под лес экзоскостюме. Броня на штатском – как седло на корове. Полковник крепко выругался и мрачно уставился на вице-президента «белоголовых», с которым посчастливилось координировать проведение карательной операции. Чтоб его разорвало...

Этот вечно улыбающийся недоносок постоянно лез не в свое дело. И хоть тресни, но ни его должности, ни фамилии нет в составе совместной экспедиционной группы корпуса морской пехоты и корпорации «Белая голова». Однако именно вице-президент «белоголовых» руководил наемниками частной военной компании, а вовсе не штаб группы. Армейцы отвечали за операцию в целом, но приказы штаба или начальника экспедиции выполнялись наемниками исключительно после подтверждения вице-президентом «Белой головы».

Вдобавок он постоянно требовал пояснений и разъяснений о ходе операции, и это раздражало особенно сильно. В Диких землях бог и господин – старший офицер, но только не в данной экспедиции. Тут везде сует свой длинный уродский нос чертов штатский! Вчера удалось избавиться от него, лишь сославшись на секретность, однако он снова появился в полевом штабе, как только началась бомбардировка. Пробыл здесь недолго и вот поутру опять нарисовался.

– Местность зачищена, – сообщил вице-президент.

Именно что сообщил! Не доложил, а сообщил!.. Полковник сделал вид, что не услышал.

– Местность зачищена! – повторил «белоголовый», в его голосе прорезалось раздражение.

– Мне это известно, – сухо ответил полковник.

– Вот как? Но если бы не ваш отказ синхронизироваться с моим нетчипом...

– Хотите услышать отказ снова? – демонстративно перебил офицер вице-президента.

Лицо «белоголового» налилось краской. Он с вызовом посмотрел на полковника и продолжил:

– Если бы не ваш отказ синхронизироваться, сэр, то вы узнали бы о том, что мои люди завершили свою часть работы еще полтора часа назад.

Полковник оценивающе оглядел вице-президента, словно раздумывая, не посадить ли того в изолятор на день или два, и после затянувшейся паузы спросил:

– Ваши люди или тени?

– Мои люди закончили нашу общую часть работы, – заявил вице-президент «Белой головы» и, заметив презрительный взгляд офицера, побагровел еще больше.

Первыми в поселение вошли не «белоголовые», а бойцы из небольшой компании «Тень». На них легла самая грязная и тяжелая часть операции – ближний бой и первоначальная зачистка. «Белоголовые» взяли теней на субподряд, такое не запрещалось соглашением между корпусом морской пехоты и компанией «Белая голова».

Договор ставил точку в противостоянии с главным конкурентом «белоголовых», который давно вышел за рамки дозволенного частникам, и Совет директоров Синей корпорации наконец санкционировал карательную операцию. Некоторые пытались ее остановить, и это могло получиться, но после расстрела поезда отменить либо отсрочить решение Совета директоров

стало невозможным. Операция началась в ночь с шестнадцатое на семнадцатое декабря две тысячи двести пятьдесят второго года.

Частники... Полковник всегда презирал наемников и с превеликим удовольствием принял непосредственное участие в ликвидации одной из военных компаний, но это не значит, что ему хоть в чем-то симпатичней «белоголовые» или, скажем, «тени». К дьяволу их всех! После этой ночи исчезли сразу тринадцать опорных баз зарвавшихся частников и вместе с ними одна компания. «Белоголовые» при поддержке корпуса морской пехоты уничтожили конкурента. Но какая разница? Одной частной военной компанией меньше, одной больше!

– Каковы ваши потери и потери ваших субподрядчиков? – спросил полковник.

– Они незначительны.

– А точнее?

– Я же сказал, незначительны!

– Незначительны... Хм... Все ясно. – Полковнику хотелось высказаться в ином тоне.

Он бы не потерпел рядом офицера, которому неизвестны точные потери в личном составе и технике, но нельзя срывать при подчиненных.

– Желаете узнать от меня что-нибудь еще? – Вице-президент собрался покинуть штаб.

– Желая. По договору вы передаете нам всех задержанных, включая тяжелораненых.

Сколько вы удерживаете?

– Почти три сотни человек. Но думаю, что никто не подойдет вам, и поэтому...

– В этом вопросе вам думать не полагается! – Полковник на мгновение потерял над собой контроль и повысил голос. – Вы предоставляете нам всех удерживаемых лиц!

– Конечно...

– Всех! Мы сами решим, кто нам подойдет, а кто нет! Остальных забирайте!

Глава 1

Перелет

– Нет, это не Рио-де-Жанейро, – пробормотал Андрей, – это гораздо хуже.

Известная с детства фраза вспомнилась не случайно. Спустившись по трапу, Ливадов оказался на взлетно-посадочной площадке, окруженной неширокой травянистой полосой и серыми приземистыми зданиями военной базы. Наверняка это военная база... и не похожа она на Бразилию, чье название Андрей несколько раз слышал за время многочасового перелета. Бразилия ассоциировалась с ярко-синим океаном, широченным песчаным пляжем и белыми высотками за ним, а еще фигуристыми красотками и атмосферой полной расслабленности.

Ничего подобного Ливадов не увидел, а ведь несколько раз слышал из уст конвоиров слово «Brazil». Они же о Бразилии говорили? Название южноамериканской страны отчетливо угадывалась в их разговоре, даже если не понимаешь языка, на котором те общались; как, например, не понимал Андрей. Но упоминали же Бразилию солдаты и их офицер!

У каждого из них на правом плече имелась нашивка в виде трех букв «USA» и звездно-полосатого флага. Поверх камуфлированных под саванну комков надеты разгрузки, вооружены бойцы штурмовыми винтовками. На глазах очки с оранжевыми стеклами, наверное, пластиковые; у всех кепки. Высокие берцы в тон камуфлированной форме.

Восемь пехотинцев и офицер конвоировали почти четыре десятка пленников – работают в полосатых робах, в числе которых был и Андрей, а также пятерых бывших бойцов в черных комках с нашивкой в виде белого щита с черным крестом. Рабы и их надзиратели из разгромленного этой ночью городка подле нефтеперерабатывающего завода. Ливадов называл вояк в черной форме «тевтонцами».

Во время атаки на городок Андрей смог завладеть оружием и попытался выскользнуть за периметр боя, однако снова оказался в плену. Городок атаковали наемники из военной компании «Белая голова» – Ливадов хорошо запомнил их эмблему. Они охраняли вокзал в мертвом Ярославле, а потом сопровождали поезд, что увез из города Андрея и его тогдашнего хозяина Рамиреса.

На поезд напали. Под составом подорвался фугас, вагоны сошли с рельсов, начался бой, но сопротивление бойцов «Белой головы» быстро и умело подавили. Нападавшие разделили выживших пассажиров на две части – свободных граждан расстреляли, чтобы не оставлять свидетелей, а их рабов перевезли в городок при нефтеперерабатывающем комплексе, где на всех натянули черно-белые полосатые робы. На третий день в прекрасном новом мире судьба избавила Андрея от прежнего хозяина и его ошейника, чтобы сделать собственностью безликой и бездушной компании, чьи бойцы охраняли поселок, завод, а также уничтожили поезд.

Три дня... А как будто минула целая жизнь! Ну или половина жизни. Какими же долгими оказались эти три дня...

Ответ «Белой головы» вышел быстрым – удар был нанесен в первую же ночь после уничтожения поезда. Ливадов не думал, что окажется пешкой – даже не солдатом, а рабом – в войне двух компаний. Однако проснулся от грохота воздушной бомбардировки. Сбежал из барака, вооружился, но уйти из поселка не удалось. Лишился сознания, видно, вдохнул какой-то дряни, когда наткнулся на одного из нападавших, и очнулся уже утром в наручниках с мигающим зеленым светодиодом. Рядом с другими выжившими после разгрома городка и уничтожения завода. Под сотню их было, в основном рабы в полосатых одеждах и с десятков разоруженных «тевтонцев» – все без исключения в наручниках.

Оборону гарнизона сломали без шансов для защищающихся. Скорее всего, потому, что ответ «Белой головы» был сделан при поддержке настоящей армии. После пробуждения

Андрей заметил среди наемников «Белой головы» медиков и офицера без брони, у которого на груди под именем и фамилией была надпись «USA», а рядом с ней – камуфлированный американский флаг. Офицер напевал знакомую песню и внимательно разглядывал пленников. – You're in the army now...

«Теперь ты в армии». Андрей помнил перевод этой строчки, для этого не требовалось знать английский язык. «Теперь ты в армии»... К чему офицер напевал эту песню? Для него она древняя, как дерьмо мамонта! Однако американец снова и снова повторял знакомые строки. Ливадову казалось очень важным понять, почему офицер не умолкает. Хотя какая разница-то?..

Когда офицер ушел, медики придирчиво осмотрели каждого пленника и отобрали два десятка самых крепких на вид мужиков: выбирали тех, кто моложе. Отделили от остальных, и среди этих двадцати отобранных пленников оказались Андрей и пятеро бывших «тевтонцев».

Пятеро других солдат в черной форме, которые остались с большинством других пленников, стали выглядеть как-то совсем нехорошо, и дело вовсе не в ранениях. На их лицах читалось неприкрытое отчаяние. Зато у пятерки «тевтонцев», которых в числе двадцати отобранных пленников отвели в сторону, явно отлегло на душе. Чему они радовались? Андрею тогда подумалось, что посчастливилось попасть в число везунчиков, только, конечно, не понимал, в чем заключается это везение.

Скоро появились трое их нынешних конвоиров, они увели счастливых за периметр разгромленного города. За его пределами в поле был разбит небольшой палаточный лагерь, а за ним высились серые борта конвертопланов и пяти десантных кораблей. На машинах опознавательные знаки – белая звезда на темно-синем круглом поле с двумя белыми горизонтальными полосами.

Пленников освободили от наручников и подвели к конвертоплану с номером 765. Большие белые цифры отчетливо выделялись на обшивке, покрытой серой краской. Это была грузовая машина с сиденьями вдоль обоих бортов, на которых уже устроились два десятка человек в полосатых робах. Меж ними прохаживались два морпеха со штурмовыми винтовками наперевес.

Появились офицер и еще три автоматчика. Андрея и остальных прибывших загнали внутрь. Следом зашли конвоиры. Офицер что-то потребовал, и все, кто был на ногах, начали рассаживаться по пустующим местам. Затем офицер проорал что-то еще, и все без исключения натянули на себя страховочные ремни.

Пристегнулись даже конвоиры – отделение морпехов и их командир разместились в центральной части грузового отсека. Конвоиры устроились так, чтобы до ближайшего пленника было не менее пяти свободных мест. Полупустой отсек конвертоплана позволял разместиться таким образом. Андрей сидел через десять сидений от ближайшего морпеха.

В хвосте машины внутрь втянулся трап, по которому только что поднялись на борт. Закрылся люк, и почти сразу появилось ощущение полета. Летели долго.

Когда Андрей в первый раз услышал про Бразилию, по его ощущениям, минуло часа три или четыре, и к тому времени здорово хотелось есть. На обед Ливадов особо не рассчитывал, но каково же было его удивление, когда раздали сухпайки. Их разносили два пленника. Один из морпехов увел их к перегородке, за которой должны были располагаться кабина управления и вспомогательные отсеки. Нырнув в открывшийся люк, рабы скоро вернулись с плоскими коробками в руках. Это удивительно: и дело даже не в кормежке, а в том, что пленники и морпехи получили совершенно одинаковые сухпайки.

Потом несколько других рабов собрали мусор, и скоро выяснилось, что можно свободно посещать туалет, но только по одному – конвоиры отслеживали это да гавкали, когда им казалось, что кто-то слишком близко подошел к ним. Впрочем, пленники в полосатых робах были

покорны судьбе. Андрей заметил косые взгляды на охрану только у своих прежних надзирателей, однако бойцы в черной форме старательно прятали взор от морпехов и тоже вели себя тише воды.

– Brazil.

Андрей услышал это слово в последний раз перед посадкой. Не сказать, что его ожидания никак не оправдались – вон кое-где видны пальмы, но все же без океана это не Рио-де-Жанейро. Ливадов повторил забавную присказку, чтобы поднять себе настроение, и побрел вместе с остальными пленниками от конвертоплана.

Их отвели метров на пятьсот от летательной машины, которая осталась рядом с точно такими же конвертопланами. Андрей насчитал на бетонной площадке десять машин, а за ними высился целый ряд ангаров с высокими воротами, около некоторых видны люди.

Пленников выстроили в шеренгу, напротив которой замерли растянутой цепью восемь солдат и офицер. Морпехи застыли в одинаковом положении, по-уставному. Лишь офицер порой выискивал взглядом что-то за спинами пленников и позволял себе переминаться с ноги на ногу.

– Чего ждем? – тихо, под нос, произнес Андрей. Говорить ему не с кем: не знает языка ни пленников, ни солдат с нашитым на форме американским флагом. Судя по всему, морпехи говорят по-английски и большинство пленников их понимают.

А он нет, и Рамиреса больше нет, с которым можно было хоть словом перекинуться. Сдох Рамирес, и ничуть не жаль его. Ливадов не испытывал ни капли сочувствия к бывшему хозяину, но вдруг почувствовал полное одиночество. Когда не понимаешь ни слова из разговоров окружающих, ощущаешь одиночество, хоть бы и посреди толпы. Либо в шеренге из сорока человек, как это было сейчас.

По ощущениям, утро. Наверное, ближе к полудню, и жара берет свое. Здесь, то ли в Бразилии, то ли не в Бразилии, с солнцем полный порядок. Не такое безжалостное, какое было над городком при нефтезаводе, но тоже припекает. Хотелось пить, и, глядя на рожи своих товарищей по несчастью, Ливадов думал, что они тоже не отказались бы от воды.

Офицер вдруг вытянулся по струнке, окаменев, как и его подчиненные. К ним ехал джип; нетрудно догадаться, что автомобиль везет начальство. Андрей покачал головой. Понятно, что угодил в американскую армию, только зачем воякам пленники? Либо на хозработы кинут до окончания века, либо зачислят в ряды доблестных вооруженных сил.

Это лучше или хуже таскания мешков с цементом? Ливадов не знал. Для него главное свобода, но из армии сбежать будет явно непросто. Да и куда бежать? Летели в эту чертову Бразилию долго. Наверное, он сейчас за Атлантическим океаном; намного дальше, чем был от Женьки еще вчера. Вспомнив о сестре, Андрей помрачнел.

Джип привез трех офицеров, солидных и важных, в возрасте, с посеребренными волосами. Все еще крепких, поджарых и загорелых, с колкими взглядами – настоящие псы войны. В темно-зеленой форме и фуражках, на ногах черные туфли. На кителях наградные планки, на плечах погоны с большими звездами. Прибывшие офицеры холодно посмотрели на личный состав конвойного отделения и презрительно – на ряд пленников. Откровенно неодобрительные взгляды достались пятерым в черных комках.

Командир отделения отрапортовал старшему офицеру, который стоял чуть впереди двух других, и, отступив на три шага, замер за спиной начальника. Старший офицер снова обратил взор на пленников. Прошелся вдоль строя, оглядывая их с головы до ног, и разочарованно мотал головой почти каждый раз, когда оставлял за спиной очередного невольника. Ливадов его тоже не впечатлил. Чего ему нужно?

За все время, пока старший офицер следовал вдоль строя, никто не проронил ни слова. После осмотра офицер вернулся к двум другим, приехавшим с ним, и громким поставленным командным голосом обратился к пленникам. Андрей, конечно, не понял ни слова; на сей раз

только подумалось, что старший офицер говорил чересчур театрално. Впрочем, из-за незнания языка это впечатление могло быть обманчивым.

Когда с речью было закончено, подъехали два бронемобиля, из которых высыпали еще два отделения морпехов: без экзоскостюмов, но в полной выкладке, в таких же камуфлированных комках, как у конвоя.

Старшие офицеры покинули взлетно-посадочную площадку, джип увез их. Прозвучали громкие отрывистые команды. Солдаты выдергивали из шеренги то одного, то другого пленника, и по два автоматчика начали уводить сведенных в пятерки людей в сторону приземистых строений, откуда изначально прибыли старшие офицеры и позже – два отделения морпехов.

Ливадов не понимал, по какому принципу выхватывают людей из общего ряда. Судя по взглядам других пленников, они тоже растеряны и не могут сообразить, что происходит. Суматоху добавила очередь в воздух из автомата. Оглянувшись, Андрей увидел двух морпехов, чьи берцы пинали лежащего на бетоне «тевтонца». В воздух стрелял третий солдат, он был рядом и орал на четверку пленников в черной форме.

Они со злостью смотрели на морпехов, кто-то даже сжимал кулаки, но выручать товарища не бросились; и правильно сделали. Потому что к месту стычки уже спешили несколько других морпехов и два офицера. Солдаты демонстративно передергивали затворы штурмовых винтовок. Будет нужно – пристрелят и не поморщатся.

Андрей мысленно выругался. Рановато он радовался за сухпай и относительную свободу на борту конвертоплана. Здесь тоже не сахар.

– You! «Ты!» – здоровенный морпех толкнул Ливадова в плечо.

Как он оказался за спиной? Не ожидавший толчка Андрей полетел вперед и едва не растянулся у ног очередных пленников, которых вырвали из поредевшей шеренги.

– Сука... – Андрей прикусил язык. – Откуда ты взялся?

Когда Ливадов поднялся, подвели пару новых пленников. Потом два солдата бегом погнали очередную группку задержанных по бетонной дороге в сторону базы. Солдаты что-то кричали на ухо то одному, то другому из них. Наверное, пообещали пристрелить, если споткнешься или остановишься.

Бежалось легко. Андрей был уверен, что морпехи устанут быстрее – солдаты были в полных разгрузках и со штурмовыми винтовками. Но он и четверо других пленников начинают выдыхаться, а двум конвоирам нипочем. Только орут, гады, сильнее и злее.

– Черт! – Андрей чуть не наступил на пленника, который бежал впереди и свалился на бетон.

Он умер. Сердце не выдержало или что-то еще. Правда, Ливадов понял это не сразу. Конвоиры сначала разразились ором и пинками – лупили упавшего и подозрительно неподвижного пленника, но недолго. Вдруг успокоились, один перевернул пленника на спину и закрыл выпученные остекленевшие глаза. Мертв.

Эта смерть позволила перевести дыхание. Цинично оценивать чужую жизнь несколькими мгновениями собственного отдыха, но этот мир давно приучил Ливадова к жестокости. Он тоже становится черствым и злым и не может ничего с собой поделать. Да и не хочет!

Морпехи вновь зарычали и погнали пленников дальше. Снова бегом!

Когда добрались до забора из прутьев и сетки, отделявшего аэродром от базы, Андрею казалось, что сейчас он тоже кончится. Его спас контрольно-пропускной пункт, вовремя оказавшийся на пути. Ливадов согнулся в пополам, жадно хватая воздух. Хотелось просто упасть на землю, как сделали трое его сотоварищей по забегу, но надо ходить – быстрее восстановится дыхание. Андрей перевел взор на аэродром, от которого вели группки других пленников. Пешком! Какого же хрена их-то заставили бежать, будто собирались загнать до смерти? Одного и загнали...

Они опередили всех, кого вели к базе. Конвоиры довольно скалились, вскидывали правую руку и показывали своим большой палец. Забег с пленниками был для морпехов развлечением. Они первыми очутились у базы, хотя им тоже было нелегко, но держались хорошо, сил для веселья у них предостаточно.

Один из морпехов скрылся внутри здания КПП и, к радости пленников, застрял внутри надолго. Когда показался вновь, все уже отдышалось. Андрея и остальных провели за ограждение, за которым он не увидел ничего особенного – только двух- и трехэтажные корпуса, прямые линии дорог, все по-военному чисто и строго, а людей, кстати, немного.

Шли недолго, скоро свернули к медицинскому боксу. При входе в двухэтажное здание на флагштоке развевался белый флаг с красным крестом. Первым делом погнали в душевую, после которой выдали белые пижамы, тапочки и стальные наручники. Андрей спокойно смотрел, как щелкнули на запястьях браслеты. Он ожидал нечто подобное и не собирался рыпаться. Сейчас не время. К пленникам приставили новую пару конвоиров – санитаров-мордovorотов с электрошокерами, и те начали водить вверенную им четверку в наручниках по кабинетам.

Обычное медобследование, какие случались не раз и не два в прошлой жизни Ливадова, только оборудование в кабинетах было необычное и он ничего не понимал, когда его спрашивали. Один из санитаров, который всегда находился в кабинете, пока другой сторожил трех других пленников в коридоре, усаживал Андрея куда надо, клал его руку на нужный прибор, жестами указывал куда смотреть и что вообще делать.

Происходящее обнадеживало, вряд ли подобные процедуры будут проводить ради изучения здоровья рабов. Ливадов решил, что среди пленников отбирают годных для военной службы. И опять подумал про нее. А что? Кому нужна наигранная речь старшего офицера перед строем пленников... Нужна ли она, если и здесь заставят таскать мешки с цементом? Нет, не нужна. Но воодушевить будущих братьев по оружию – это другое дело.

Ну а что до перспективы добровольно-принудительного зачисления в ряды американской армии? Вероятно, это не самый плохой вариант, с учетом нынешних обстоятельств. Опять же лучше бегать с автоматом, чем подыхать на разгрузочных работах. Будь что будет! Разберемся по обстановке!

Кабинетов было много, и четверка часто пересекалась с группками других пленников, которых тоже пасли по два верзилы-санитара. Под конец – Андрей почему-то решил, что медосмотр заканчивается – всадили несколько уколов. Врач что-то объяснял на этот счет, и скорее всего, говорил про прививки – Ливадов, разумеется, ничего не понял и просто решил, что именно о них идет речь.

Направились к следующему кабинету, куда зачем-то завели сразу всех четверых, группой. Что-то не так... Взор плывет... Вдруг подкосились ноги... Андрей упал бы, не окажись рядом стена, о которую смог опереться. Что происходит? Зачем их привели в операционную? Андрей встряхнул головой, чтобы прояснить взор, однако не помогло.

Глаза закрылись... Сознание отключилось.

Глава 2

Учебная часть

– Все плохо, – сообщил новобранцам майор. – Все очень-очень плохо.

Говорил он четким, громким голосом. Офицера слышали все новички, построенные в шеренгу по двое; и мрачное до невозможности лицо майора Морова видели тоже все.

Евгении Ливадовой хотелось поежиться, но команду «Смирно» майор не отменял, а что это за команда, молодой состав уже усвоил – вытянуться, чуть податься вперед, смотреть прямо перед собой и, когда нужно, коситься на офицера, дабы не пропустить ничего важного. Женька, конечно, переврала смысл команды, чтобы самой лучше ее понимать и выполнять, но в общих чертах все верно.

Строевая стойка у Женьки правильная, по крайней мере, для новобранца, никто ведь не указал на иное. Но лучше бы оказаться во второй шеренге, укрывшись за спиной боевого товарища... Да, именно так, и уже не единожды, да с разной степенью пафосности им сообщили о боевом товариществе, но... Все равно лучше укрыться за чужой спиной от гнетущего и выворачивающего наизнанку взора майора Морова. Однако тот требовал, чтобы в первой шеренге находились те, кто ниже ростом, поэтому спрятаться на следующем построении не выйдет.

Нужно просто стоять в строю, и никого не волнует, что молодняк с непривычки после многокилометрового марша едва держится на ногах. Зато майор сделал неутешительные выводы о физической форме новобранцев.

– Все очень плохо, – повторил он и, поджав губы, покачал головой.

Будто ждал, что кто-нибудь прямо сейчас свалится без чувств на плац. Однако строй держался, никто не падал и даже не переминался с ноги на ногу. Майор тоже держался – менее мрачным офицер не становился и все так же обводил молодняк тяжелым взглядом.

– Сейчас выхватит пистолет и пристрелит кого-нибудь... – сзади послышался смешок, а следом еще несколько. Женька невольно улыбнулась и краем глаза заметила, что ее соседям шутка также понравилась. Эту мимолетную слабость можно себе позволить, потому что майор отвлекся на семерых других офицеров, что вышли на плац и направились к новобранцам, отчего не услышал острого слова и не заметил ухмылок на физиономиях новичков.

Уж чего-чего, а внимания Морова к своей персоне Ливадовой точно не нужно. Девушка не понимала, как офицеру удалось внушить к себе страх, хотя тот провел с новобранцами меньше суток, но в их взглядах, направленных на майора, читалось неприкрытое опасение. Лучше, мол, с этим придурком не связываться. Наверное, никто не удивится, если майор в самом деле вытащит из кобуры пистолет и пристрелит кого-нибудь из них в воспитательных целях.

– Застрелит и потом три наряда вне очереди влепит, – добавил шутник из задней шеренги.

Майор Моров почувствовал неладное во вверенном подразделении и оглянулся, обведя роту грозным взглядом из-под черного козырька офицерской фуражки. Женька сделала каменное лицо, она смогла сдержать улыбку и преданно смотрела на офицера. Казалось, что взор майора прожжет ее насквозь, но Моров уделил каждому из новобранцев, на которых мельком посмотрел, не дольше мгновения.

На пункте сбора, куда Ливадова прибыла ровно в восемь утра двадцать третьего декабря – на следующий день после выписки из больницы, – Моров первоначально казался совсем иным человеком. Он был довольно молод, чуть больше тридцати, среднего роста, подтянут и с виду крепок. Шутил с медиками и прочим персоналом сборного пункта. Лицо приветливое, и оно

не становилось суровым, едва взор падал на новобранца, как у других офицеров, которые то и дело появлялись в коридорах, где вдоль стен жались будущие контрактники.

Моров даже посочувствовал девушкам. Новобранцев не делили по половому признаку, и всем, парням и девушкам, приходилось вместе разгуливать в одном нижнем белье во время прохождения медицинской комиссии. Хорошо хоть лифчики не запрещались, но надеть их перед сборным пунктом догадались не все – девушки краснели, когда приходилось поднимать взор от пола.

– Привыкайте, – сказал кому-то из них майор, – в армии все единообразно. Казармы общие и душевые тоже.

Эти слова вогнали Женьку в жар и ступор, мелькнула даже мысль бросить военную службу, не начиная ее, и уйти из сборного пункта. Но что ждет за его пределами? Безысходность и проституция? Либо сразу прыгать в постель к Воронцову? Она, конечно... Ей придется найти сына президента и просить о помощи, чтобы найти брата. Придется платить, и Воронцова деньги точно не заинтересуют, но это будет потом, а сейчас...

Остались еще два кабинета, и Ливадова сказала себе, что совместную казарму и душ как-нибудь переживет, привыкнет. Всяко не страшнее, чем участь раба или проститутки. Вон и майор, который собирает команду новобранцев, милый человек. Наверное, поможет обжиться в новой для Женьки реальности, ну хотя бы советом.

Да! Привыкнет! Тем более что не одна такая. Вчера Женьке думалось, что будет белой вороной, но она далеко не единственная. Других девушек, которые собрались начать военную службу, на сборном пункте обнаружилось немало. Девчонок если не треть, то с четверть точно будет, и почти все они полуграждане. Из потенциальных сослуживцев явное большинство неграждане.

Для граждан медкомиссия – формальность: индивидуальная система в один миг могла предоставить всю нужную информацию о здоровье потенциального новобранца. Но у полуграждан есть только некролот, чья единственная функция – это сжечь головной мозг после смерти. Поэтому для них комиссионное обследование было полноценным. Впрочем, и для граждан тоже – отныне все одинаково.

– Все рядовые в наших доблестных вооруженных силах абсолютно равны, – пояснил на первом построении после подписания контрактов майор Моров, он уже тогда начал хмуриться, – хоть ты баба, хоть мужик, но за любые половые связи при несении службы схлопочете военно-полевой трибунал. А в учебной части вы несете службу круглые сутки. Все слышали? Глухие, немые и слепые – шаг вперед!

Инвалидов среди только что признанных полностью годными к военной службе не нашлось.

– Повторяю! За любые половые связи до присяги – получите трибунал! А еще химическую кастрацию и лишение гражданства, – продолжил Моров, – для неграждан – лишение полугражданства. В остальном...

Насчет трибунала и прочего, что полагалось за интимную близость, офицер преувеличивал, но тогда про это еще не знали. Новобранцы испуганно смотрели на переменившегося, будто озверевшего майора. Глаза Морова хищно блеснули, а рот растянулся в многообещающей улыбке.

– В остальном граждане и полуграждане рядового состава абсолютно равны, но вы даже не рядовые. Вы всего лишь подписали контракт, до присяги еще две недели! Вы молодой состав, и с момента появления подписи под контрактом я вам мамка и папка. Я майор Моров Аркадий Александрович, командир вашей второй роты. Две тысячи двести восемнадцатого года рождения. Холост. Детей нет. Всем понятно?

Услышав в ответ: «Так точно», Моров недовольно скривился, ему не понравился нестройный хор голосов. Но в целом майор оказался удовлетворен. Эта толпа уже усвоила первый урок: на вопрос старшего отвечать нужно: «Так точно», либо: «Никак нет».

– Вам повезло, – в голосе офицера прозвучала гордость, – вы начинаете службу в учебном батальоне десятого отдельного десантно-штурмового полка. Я, майор Моров, как командир вашей вновь собранной второй роты, прослежу, чтобы зачисление в полк получили только достойные. Слунтяи и недоумки в десанте не нужны! Есть такие? Выйти из строя!

Моров обвел лютым взглядом притихших новобранцев, выискивая дрогнувших, и нашел-таки. С правого края построения вышел белобрысый озирающийся паренек. Майор приказал подойти к нему. Незадачливый новобранец направился на негнущихся ногах к офицеру, и, когда оказался рядом со страшным майором, Моров неожиданно протянул ему руку.

– Благодарю за честность! – громогласно объявил офицер, сжав ладонь парня в крепком рукопожатии. – Встать в строй!

Растерявшийся парень непонимающе уставился на майора.

– Встать в строй, новобранец! – заорал Моров. – Бегом!

Парня буквально сдуло, он занял прежнее место за секунду, а у Женьки взмокла спина.

– Недоумки! – кричал офицер. – Все до единого дегенераты! Вы даже контракт не читали, а там черным по белому написано, что расторжение его возможно только по инициативе командира полка!

Позднее Женька и остальные узнали, что предложение расторгнуть контракт на первом построении, «пока еще не поздно», было обязательным гвоздем программы майора Морова. После этого обычно появлялись приписанные к сборному пункту сержанты, которые получали от него команду начать посадку личного состава в автомобили.

Новобранцев разместили в кузовах бронированных грузовиков, в каждом – по два условных отделения в десять человек. Вместе с ошалевшим молодняком в путь до учебки отправлялись и сержанты сборного пункта.

– Туда и обратно, – сказал один из них и подмигнул незадачливому пареньку, которого майор обломал с расторжением контракта.

Он оказался в одной машине с Женькой и остальными, пока еще безымянными боевыми товарищами. На честного, как назвал его майор Моров, паренька косились, а кое-кто и ухмылялся, но любая попытка подать голос мгновенно пресекалась грозным окриком сержанта:

– Разговоры!

Новобранцы уселись по креслам с высокими спинками вдоль противоположных бортов грузовика. Первоначально Женька не придавала значения тому, насколько они удобны, словно в автобусе дальнего следования, но потом не раз и не два мысленно благодарила конструкторов грузовика за предусмотрительность и милосердие к солдатским задницам.

Ехали долго. Весь оставшийся день! При этом сделали только три остановки – для отправления естественных надобностей и получения пластиковых баклажек с холодной газированной водой, за что огромное спасибо. Новобранцев в пути не кормили, но хотя бы с питьем проблем не было.

Марш в армейских грузовиках продолжился вечером и после заката солнца. Грузовики везли их всю ночь, и все время в потолке горел ряд лампочек, которые не давали Женьке уснуть. Удобные кресла и садистский свет... Кто придумал их совместить? Неужели добрые конструкторы?.. Ливадова вдруг поняла, что заснула и бредит дурными мыслями.

Девушка встряхнулась и часто-часто заморгала. По ощущениям, снаружи глубокая ночь – рядом сопят и ворочаются товарищи по несчастью. Лица у всех измождены, памяти и в свете потолочных светильников неестественно бледны. Все измучены, на кого ни взгляни. Только у сержанта морда кирпичом. Спокойно дремлет в кресле впереди, словно оно и родило его

вместо матери, и в нем же он провел два с половиной десятка лет, дослужившись до сержантских лычек.

А Женька вымоталась до предела. Настолько, что больше не смогла заснуть, как ни пыталась; так и провела остаток ночи в мерно урчащем грузовике. Даже обрадовалась, когда машина остановилась и сержант скомандовал подъем.

– Просыпайтесь! – Он прошелся по кузову, тормоза тех сладко спавших новобранцев, кому нипочем были ни команды, ни шум, что подняли их боевые товарищи.

Как только сонный, взъерошенный, жмующийся от прохлады раннего утра молодняк выбрался из грузовиков, прозвучала уже привычная команда строиться. С этим не мешкали и быстро встали в две шеренги на обочине дороги.

Колонна грузовиков, которую возглавлял джип военной полиции, замерла у перекрестка посреди бескрайних полей. Пасмурно, капал мелкий противный дождик. Майор Моров прошелся вдоль строя и после заслушал краткий доклад от сержантов, сопровождавших молодняк в кузовах бронемобилей. Потом колонну новобранцев развернули к последнему кунгу.

Подходили к нему по одному, каждый называл себя и получал пакет, помеченный его фамилией, с комплектом летней формы и обуви – темно-зеленая майка, трусы-шорты и носки, камуфлированные под лес куртка с капюшоном, штаны, кепка, брезентовый ремень. Берцы были темные.

Взамен в кузов кидали свои сумки. Судя по пренебрежительному отношению сержантов к личной клади новобранцев, те прощались с ней навсегда. Женька помнила предупреждение, которое получила перед прибытием в сборный пункт, и не взяла с собой ничего лишнего: на ней только юбка, блузка, пиджак и туфли да нижнее белье – к ужасу Ливановой, в новую одежду приказали облачиться немедленно, и полностью раздеваться нужно прямо на месте.

– Привыкай... – сквозь зубы процедила Женька, расстегивая пиджак. Она покраснела и опустила взор к земле, но хотя бы раздевается не первой из девушек. На них, конечно, смотрели, но без сальных шуточек или комментариев, и на том спасибо.

Переодевшись, Ливадова сложила в пакет гражданскую одежду и закинула в кузов грузовика к личным вещам других новобранцев.

Небо так и не прояснилось, мелкий дождик капал не переставая. Новая форменная одежда стойко держалась и долго не намокала, однако если идешь под дождем несколько часов кряду, то и такая промокнет, а рота майора Морова вместе с сержантами из сборного пункта продолжила марш в пешем порядке. Вышли ранним утром и добрались до воинской части только к полудню.

Женька так устала, что совсем не оглядывалась по сторонам, когда колонна новобранцев прошла через гостеприимно распахнутые ворота. Их вывели на плац, за которым уже поставили большие темно-зеленые армейские палатки – наверное, для новопривывших – и майор Моров неожиданно смиростивился:

– Отдых! Полчаса! – скомандовал он.

Вымокший голодный молодняк уселся прямо на мокрый асфальт. Женька успела заметить на гладко выбритом лице Морова презрение, когда офицер смотрел на них, слабаков, и почти сразу к майору вернулся мрачный настрой. Как бы не пришлось пожалеть об испачканных на мокром асфальте задницах.

Через тридцать минут, когда прозвучала команда к новому построению, дождь так и продолжал моросить. Новобранцы поднялись и торопливо выстроились в две шеренги. Промокшие, уставшие и голодные. Почему нельзя было завести их в палатки? Хотя бы от воды сверху укрыться, ну хоть на время... Женька вздохнула.

– Рота, равняйся! Смирно!

Ливадова вытянулась и уставилась на майора Морова, который мрачно оглядел вторую роту учебного батальона и сообщил, что все плохо. С минуты на минуты прибудет начальство, а до тех пор не помешает подержать молодняк в строю.

Команда «Вольно» прозвучала только после доклада майора Морова командиру батальона о прибытии пополнения. Вместе с командиром учебного батальона на плац явились командир полка, начальник штаба полка и четыре человека из сержантского состава. Офицеров и сержантов отличали только форма и возраст, а в остальном они казались братьями. Похожие лица, цепкие взгляды, выверенные движения. Крепкие и подтянутые, в идеально подогнанной форменной одежде, и дождь им ничуть не мешает, как и майору Морову.

Старшие офицеры поочередно выступили перед молодым пополнением с краткими речами, из которых следовало, что после двухнедельного курса последует присяга. Но не для всех, а только для тех, кто ее достоин. С остальными расторгнут контракты, и неудачники возместят все понесенные вооруженными силами расходы.

Принятие присяги означает начало настоящей военной службы и присвоение звания рядового. Любое последующее звание повлечет за собой получение настоящего гражданства для неграждан и знак классности третьей степени.

– Гражданам дадим только значок! – объявил командир полка и растянул рот в широкой улыбке.

Это был сигнал для присутствующих офицеров и сержантов, что смеяться разрешено. Майор Моров кивнул второй роте, мол, повеселиться можно и им. Когда старшие офицеры передали слово Морову, тот представил старшину роты – старшего сержанта Кускова, и командиров взводов – сержантов Милорадовича, Горгуа и Дорохова.

– Сейчас все будут распределены по взводам, – сообщил новобранцам майор Моров, – и вместе со своими командирами вы проследуете во взводные палатки. Обед через час. Напомню! Каждым из вас подписан контракт. Отныне вы находитесь в расположении учебного батальона, и любое неподчинение старшему по званию или должности может окончиться трибуналом. В лучшем случае – нарядами вне очереди! Помните об этом и забудьте о любых оправданиях. Оправдания есть у всех – оставьте их для мамки!

Майор перевел дух.

– Кроме того, официально уведомляю граждан, что с этого момента и до окончания курса предварительной подготовки либо расторжения контракта ваши индивидуальные системы полностью заблокированы. На ближайшие три месяца они отключены, и не вздумайте пробовать обойти блокировку. Ничего не выйдет!

Моров грозно сверкал очами на вверенный ему личный состав. Когда он закончил, командир полка снова взял слово. Женьке показалось, что он хочет смягчить первое впечатление от армии, пока Моров еще не запугал новичков окончательно.

– Принимая присягу, – говорил командир полка, – вы делаете правильный выбор. Вы становитесь частью системы, частью корпорации. Корпорация – это дом, это мать и отец, и каждый принадлежит корпорации. Военная служба инкорпорирует вас в общество полностью и бесповоротно!

Женьке вдруг вспомнился Дмитрий, бывший военный. Он погиб, защищая ее, и Женька не успела бы хорошо узнать его за несколько часов знакомства. Но он явно не был беспрекословной частью системы. Хотя бы потому, что уволился из армии, не дослужив до пенсии два года.

– После присяги любое расторжение контракта, – продолжал командир полка, – расценивается как чрезвычайное происшествие. Но на рядовых уже распространяется страховка, и уволенному не придется компенсировать затраченные на него средства.

Старший офицер помолчал и добавил:

– Надеюсь, что до этого не дойдет.

Ливадова вздохнула. Она тоже надеялась, что с ней контракт не расторгнут. Впрочем, сейчас она в этом не уверена. Комполка говорил еще, но недолго. Потом старшие офицеры удалились, а за молодняк взялись сержанты.

Глава 3

Медицинский бокс

Открыв глаза, Андрей обнаружил себя лежащим на койке – на боку, лицом к светло-зеленой стене. Укрыт белым одеялом, оно натянуто до подбородка, а под одеялом пижама. Он в больнице? За спиной тихий бубнеж, рядом кто-то беседует: несколько человек, и уже привычно, что язык, на котором говорят, ни черта не понятен.

Почему он в лазарете? Последнее, что помнил Андрей, – это кабинет с несколькими операционными столами и около каждого – группа медиков. Что с ним делали? Зачем пленников, которых водили по врачам, завели в итоге в операционную? Ливадов похолодел: подумалось о донорстве органов. Может, он уже разобран на запчасти? Встать бы и осмотреться, но сперва нужно выяснить, кто рядом. Чьи это голоса?

Ливадов не шевелился, не подавал виду, что пришел в себя. Опустил взор, и тот зацепился за мигающий оранжевый светодиод на серой пластиковой спинке кровати у ног. Ничего особенного, просто светодиод, каких много и в его времени. Андрей вслушался в собственные ощущения. Вроде цел... Руки и ноги на месте, если только это не фантомные отголоски после ампутации...

Да что такое! Что за мысли в голове! Какая ампутация? Андрей дернулся, чтобы почувствовать конечности, пошевелил пальцами и перевернулся на другой бок. Ноги, руки на месте, но отчего думалось про ампутацию? Странно... Ливадов уселся на кровати, сбросив с себя одеяло, и посмотрел на троих, кто делил с ним больничную палату.

Комната заполнена наполовину, четыре из восьми коек пустовали, и кроме кроватей, никакой обстановки в довольно просторном помещении для восьми возможных пациентов не имелось. Лишь больничные койки с белым бельем, пластиковая дверь того же цвета и оконная рама, тоже белая. За стеклом с наружной стороны виднелись белые прутья решетки. Зеленоватые окрашенные стены и серая квадратная плитка пола.

Он в медицинском боксе? Или, скорее, тюремном лазарете? А перед ним кто? Сокамерники?

– Хай! – приветственно махнул лысый негр.

Чернокожий сидел на противоположной кровати в двух метрах от Андрея. Рядом с негром на соседних койках еще двое, латинос и белый, и они также совершенно лысые. Ливадов непроизвольно коснулся головы, она у него тоже гладкая, как яйцо. Обрили в первый день плена в городке, который охраняли «тевтонцы», и было это всего лишь пару дней назад, если только он не провалялся в беспомощности дольше нескольких часов.

Андрей дотронулся до щеки, подбородка. Надо же, он гладко выбрит... О нем тут, блин, заботятся... Ливадов поймал взгляд негра. Лицо чернокожего растянулось в улыбке, а двое других просто молчали и смотрели на Андрея. Они тоже из разгромленного городка либо их обрили уже здесь?

– Хай! – повторил негр. Большой и рыхлотелый, с незлобливой ухмылкой и таким же взглядом. Синяя пижама ему явно мала, отчего казалось, что вот-вот расплывется по швам.

На молчунах пижамы сидели нормально. Одного Андрей помнил: типчик латиноамериканской наружности. Был среди прочих в черно-белых полосатых робах на борту конвертоплана, что перевез Ливадова и других пленников в Бразилию, которая не Бразилия. Рядом с негром латинос выглядел щуплым; по телосложению и росту он походил на Андрея, а еще на Рамиреса. Но у бывшего хозяина не было бегающего взгляда и вытянутого лица напоподобие крысиной морды, отчего Ливадов мысленно прозвал сотоварища по палате Крысенышем. Наружность у того неприятная.

Третий – обычного телосложения и роста, лицо незапоминающееся. Взгляд не задевал других, и в целом внешность у него «серая», то есть совершенно обычная. Возможно, он тоже был в команде пленников, которых вместе с Андреем перегнали за океан, но эту физиономию Ливадов не помнил и будет называть его Серым.

Впрочем, не важно, кто вместе с ним в палате; главное, что не проявляют агрессию. Только латинос немного подозрителен – Андрею никогда не нравились люди с бегающим взглядом. Того и жди от них подлости... Да пофиг и на этого и на остальных: не быкуют, и ладно, можно немного расслабиться.

Но все-таки зачем он и эти трое здесь, в больничной палате? Андрей был уверен, что заводили в операционную не просто так, и отрубился он там очень вовремя, а перед этим получил несколько уколов. Скорее всего, это были прививки от местных болезней, но не только прививки. Один из уколов отключил его перед... Перед чем? Что с ним делали? Ливадов провел рукой по макушке и замер: пальцы вдруг почувствовали едва заметный шрам. Раньше его не было!

Андрей опустил руку, не подавая виду, что обнаружил что-то необычное. Он не знал этих троих перед собой, и хотя они, скорее всего, такие же, как он, неудачники-невольники и объекты чужого операционного вмешательства, но Ливадов не доверял никому.

Блин! Ведь что-то вживили! Ему и этим троим...

– Хай! – в третий раз произнес чернокожий.

Хай? Хай... Андрей вспомнил, что значит это слово по-английски.

– Привет. – Ливадов тоже взмахнул рукой и заметил черный пластиковый ремешок на правом запястье. Без застежки, полоска эластичного прорезиненного пластика. Если не разрезать или не порвать, снять не получится. С внутренней стороны руки на ремешке мигал чуть заметный зеленый светодиод.

Нацепили-таки. Нет сомнения, что это аналог маячка, который был на Андрее в городке при нефтекомплексе. Насколько он крепкий? Сейчас, конечно, не стоит проверять его на прочность при посторонних, да и скрытые камеры наблюдения тоже должны быть. Но в любом случае новый маячок его не порадовал. Не исключено, что он тоже умеет бить по нервным окончаниям, как ошейник Рамиреса... Андрей мысленно выругался: его бывший хозяин ничуть не стеснялся пытать раба жуткой болью, которую генерировал нацепленный на того ошейник.

Ливадов покосился на «сокамерников»: у них такие же черные ремешки на правой руке. Негр и двое других переглянулись. Чернокожий снова заговорил, он кивал Андрею и указывал пальцем то на Крысеньша, то на Серого, однако Ливадов лишь пожимал плечами. Латинос почему-то начал хмуриться, это заметил говорливый негр и доселе молчавший белый. Они рассмеялись, а Крысеньш огрызнулся и, спрыгнув с койки, направился к двери, которая неожиданно распахнулась.

Латинос отскочил к своей кровати, а в палату вошли два санитар и военный – тоже, наверное, морпех, раз Ливадову «повезло» оказаться на их базе. Андрей не знал точно, в каком тот звании, он не разобрался в неизвестных для него лычках на погонах серо-зеленого кителя, но, скорее всего, вошедший в палату морпех – сержант, ведь едва оглядев четверку в пижамах, он разразился гавкающим криком, как заправский сержант из фильмов про американскую армию. Поэтому и будет для Ливадова сержантом. Кем же еще?

Негр, Крысеньш и Серый подскочили в один миг и вытянулись в стойку. Когда их так надрессировали? Андрей тоже поспешил слезть с кровати и, замерев, уставился на гавкающего сержанта. Ливадов безнадежно опоздал, трое его «сокамерников» оказались заметно шустрее. Морпех вплотную сблизился с Андреем и разразился яростным ором.

Чуть не носами касаются! Морпех кричал, брызгал слюной и краснел от натуги. Он лаял взбешенной собакой, а Ливадов сделал морду кирпичом и мысленно был не здесь. Умеешь такое, если хоть сколько-то отслужил, да только вот слюни... Вмазать бы по морде сержанту, но

за ним маячат два лба-санитара, и Андрей нутром чуял, что у них уже чешутся кулаки. Нужно терпеть, не в положении Ливадова артачиться, да и санитары могут отделать его не только кулаками. Не исключено, что вживленная в его башку хреновина всадит болью прямо в мозг.

Сержант набрал в легкие побольше воздуха, чтоб разродиться новой порцией уничижительного крика, однако вдруг замолк. Только шумно выдохнул, не сводя с Ливадова взгляда, и отступил на три шага. Морпех перевел взор на негра, латиноса и белого, оценивающе осмотрел их и что-то гавкнул, а три человека повернулись к сержанту спиной.

Теперь сержант изучал взглядом затылки троих в белых пижамах. Заметив, что морпех покосился на Андрея и уже начал краснеть от злости, что вновь наполняла его, Ливадов догадался, что ему тоже следует развернуться, демонстрируя шрам на голове. Андрей повернулся лицом к кровати и услышал, что сержант подошел к нему. Через несколько секунд морпех вернулся к двери и двум «немым» санитарам и снова что-то прогавкал.

Андрей почувствовал, что сержант приказал развернуться обратно. Крутанувшись на пятках, увидел, что негр, Крысеньш и Серый тоже поворачиваются к сержанту. Значит, на этот раз он не ошибся и правильно понял, что от него требуется.

Сержант успокоился, безмолвно с непроницаемым лицом посмотрел на него, потом на других – и заговорил. Ровным голосом, что-то втолковывая четверым в пижамах. Вскинув левую руку, морпех указал на часы с металлическим браслетом. Оглянувшись, сержант убедился, что санитары тоже показывают на свои часы. Но часы ли у них?

Гады... Андрей не сомневался, что это вовсе не часы, а устройства для управления ремешками пленников... Он скривился от боли и невольно схватился за правую руку, которую обожгло огнем – всего на миг, только этого достаточно, чтобы уяснить урок. Черный пластиковый ремешок работает как надо, и боль может доставить невыносимую.

Сержант продолжал говорить нравоучительным тоном. Ливадов мрачно исподлобья смотрел на него, остальные кивали. Морпех рывкнул что-то и вышел из палаты. Санитары произнесли несколько коротких фраз, один из них тоже вышел в коридор, а другой кивнул Ливадову, чтобы тот пошевеливался. Трое «сокамерников» Андрея уже выходили из палаты.

Негр, Крысеньш и Серый встали вдоль стены коридора слева от распахнутой двери. Андрей шагнул к ним, но окрик сержанта, а затем его палец указали, чтобы становился по другую сторону от входа в палату. Санитар и сержант увели трех сотоварищей Андрея влево по коридору, другой санитар жестами показал идти в противоположном направлении.

Что бы это значило? Андрею очень не понравилось, что его отделили от остальных. Он двигался впереди, а сзади в трех шагах ступал санитар. Ливадов не оглядывался, нервы сжались в стальную пружину, готовую распрямиться при малейшей угрозе для его жизни.

Ни черта не ясно, что еще уготовано Андрею, поэтому он не ожидал от ближайшего будущего ничего хорошего. Если потребуется, он первым делом вырубит санитару. Тот здоровый, как горилла, но не факт, что проворен. Ливадов надеялся, что успеет нанести удар в шею, который надолго вырубит его надзирателя – может, и навсегда...

– Понял! Да понял я! – воскликнул Ливадов, потому что руку снова обожгло, и первой мыслью было, что санитар каким-то образом прочувствовал настрой Андрея. Но тогда боль не продлилась бы меньше мгновения, она была бы острее. Ливадов оглянулся и обнаружил, что санитар отстал на несколько метров. Он довольно ухмылялся, стуча пальцами по стальному браслету, и ему определенно нравилось, что напомнил о себе через ремешок на руке пленника. Напомнил он болью. Сука...

Санитар что-то заговорил и махнул Андрею, чтобы тот вернулся и зашел в распахнутую дверь. Что за ней? Не душегубка, случайно? Или новая операционная? Ливадов приблизился, настороженно косясь на санитару, и заглянул в открытую дверь. За ней оказалась небольшая комната со столом и стулом у дальней от входа стены, часть которой – на полтора

метра от стола и столько же в ширину – была прозрачной. Стекло отделяло эту комнату от похожего помещения, расположенного за перегородкой.

Как комната для свиданий в американской тюрьме из кинофильмов. Не хватает только телефонной трубки на витом шнуре, чтобы разговаривать с тем, кто будет за стеклом. Мелькнула шальная мысль, что увидит сейчас Женьку и они хотя бы поговорят друг с другом! Но откуда здесь сестра? Ее появление будет чудом, а чудес не бывает. Особенно в прекрасном новом мире...

На плечо легла рука санитара, он заговорил дружелюбным тоном, даже улыбнулся и подтолкнул подопечного вперед. Мол, входи и не тушуйся. Пожав плечами, Андрей вошел и огляделся; смотреть не на что: есть только стул, стол да стекло, вмонтированное в стену напротив. Запустить в него стулом?

Андрей усмехнулся и покачал головой. Нет, он не псих, хотя очень тянет бросить стул в стекло... но, во-первых, оно, скорее всего, противоударное, и, во-вторых, нет желания окатиться в смирительной рубашке вместо пижамы да получить порцию мучительной боли через ремешок на руке. Не время и не место для резких движений.

Дверь закрылась, щелкнул запираемый замок. Так даже лучше, присутствие санитар-надзирателя Ливадову на фиг не нужно. Но что дальше? Он простоял минуту или две, ожидая дальнейшего развития событий, но ничего не происходило.

– Может, просто газом траванут? – невесело пошутил Ливадов и уселся за стол, мрачно уставившись на стекло и пустую комнату за ним. Там тоже ничего и никого.

Андрей сцепил пальцы и посмотрел на черный пластиковый ремешок на руке. Как же он ненавидит мигающий светодиод!.. Ливадов вздрогнул, потому что заметил за стеклом движение. Открылась дверь, и в комнату напротив вошла женщина.

В белом медицинском халате, на высоком воротнике – красные вставки. Черные волосы стянуты узлом на затылке, взгляд зеленых глаз из-под длинных ресниц был строг, но нисколько не портил вошедшую. Она миловидна и молода, Андрей не дал бы ей больше тридцати лет, и, наверное, правильнее называть ее девушкой.

Вошедшая прижимала к груди стопку журналов с цветными обложками. Устроившись напротив Ливадова, девушка неспешно разложила их перед собой, изредка поглядывая на пациента. Андрей безмолвно наблюдал за ней: вот чего он точно не ждал, так это общества приятной на вид молодой женщины. Даже ухмыльнулся, как последний дурак, – она пришла не ради общения с ним. Ну, в смысле... не потому, что ей этого хочется, а по служебной необходимости.

Вздыхнув, она подняла взор и, оглядев Ливадова, приветливо улыбнулась, а затем заговорила. Невидимое устройство передало ее голос через стеклянную перегородку без каких-либо искажений, словно молодая женщина находилась рядом.

– Good afternoon!

Андрей попытался улыбнуться. Вряд ли у него получилось так же хорошо, хотя и у вошедшей улыбка была дежурной.

– Good... – неуверенно произнес Ливадов. Кажется, с ним поздоровались, пожелав доброго дня, и он попытался ответить тем же.

– My name is Rhona Ridell. – Женщина говорила медленно, отчетливо произнося слова, чтобы человек напротив нее услышал и разобрал каждое.

Вторую фразу вошедшей Андрей тоже понял, причем с большей уверенностью, чем первую. Не совсем же он тупой, кое-что осталось в голове со школы. Не забыл, что значит: «My name is...» Она назвала свое имя – Рона Райдел.

– My name is Andrey Livadov, – представился и он.

Девушка удовлетворенно кивнула и продолжила:

– We are going to teach English.

Сейчас Андрей ничего не понял, только смутно разобрал что-то. Наверное, она сказала, что будет учить его английскому языку, либо что-то про учителя и английский язык...

Девушка в белом медицинском халате снова заговорила, но теперь Ливадов ни черта не врубался, что ему талдычат и что от него хотят. Пожал пару раз плечами и несколько раз мотнул головой. Вошедшую это нисколько не смущало. Ее красивое лицо с правильными чертами не менялось, оставаясь совершенно спокойным.

Вскоре молодая женщина достала из кармана небольшую черную гарнитуру. Надела на ухо дужку с наушником и микрофоном. Из стены под стеклом выдвинулся ящичек, в котором лежала точно такая же гарнитура. Андрей хмыкнул. Кто бы объяснил, зачем эта гарнитура, если прекрасно обходятся без нее... однако тоже нацепил ее на себя. Дернул головой, чтобы проверить, как сидит на ухе. Сидит как надо, не шелохнулась. Даже странно, что так крепко держится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.